

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ФЕНОМЕН ТРАМПА

**Коллективная монография под редакцией
чл.-корр. РАН А.В. Кузнецова**

МОСКВА 2020

УДК 327.8
ББК 63; (2) 2
Ф 36

Монография печатается по решению Ученого совета ИНИОН РАН

Рецензенты:

Братерский М.В. – д-р полит. наук, профессор Факультета
мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ
Иванов О.П. – д-р полит. наук, профессор, проректор по научной работе
Дипломатической академии МИД России
Кортунов А.В. – канд. истор. наук, генеральный директор
Российского совета по международным делам

Феномен Трампа : монография / под ред. А.В. Кузнецова ; Ин-т
Ф 36 науч. информ. по обществ. наукам. – Москва : ИНИОН, 2020. – 642 с.
ISBN 978-5-248-00968-8

Монография, подготовленная коллективом ИНИОН РАН с привлечением американистов из других ведущих институтов и вузов, посвящена комплексному анализу причин избрания Дональда Трампа президентом США и специфике внутренней и внешней политики его администрации. Главы книги объединены в семь частей: «Победа Трампа как результат фундаментальных общественно-политических сдвигов»; «“Новый популизм” и Дональд Трамп»; «Внутренняя политика Д. Трампа»; «Президент Д. Трамп как феномен американской культуры»; «Попытки ревизии международной системы при Д. Трампе»; «Трансформация политики США при Д. Трампе на европейском направлении»; «Динамика взаимоотношений США со странами незападного мира».

УДК 327.8
ББК 63; (2) 2

The Trump Phenomenon / Ed. by Alexey Kuznetsov ; Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. – Moscow: INION, 2020. – 642 p.

The book, prepared by the INION's team with the participation of scholars representing other leading academic institutes and universities, is a comprehensive analysis of the causes of Donald Trump's election as President of the United States and basic features of his Administration's domestic and foreign policies. The chapters of the book are grouped into seven parts: «Trump's Victory as a Result of Fundamental Socio-political Shifts», «“New Populism” and Donald Trump as Its Manifestation», «Domestic Policies of Donald Trump», «President Donald Trump as a Phenomenon of American Culture», «Quest for Revision of the International System under Donald Trump», «Transformation of the European Vector of the US Policy under Donald Trump» and «Dynamics of the US Relations with Non-Western Nations».

DOI 10.31249/phtr/2020.00.00

ISBN 978-5-248-00968-8

© ФГБУН Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Часть 1. Победа Трампа как результат фундаментальных общественно-политических сдвигов	17
Глава 1.1. Приход Трампа к власти на фоне потери США лидерства в процессах экономической глобализации	17
Глава 1.2. Обретение и утрата «американской мечты»: Социально-экономические последствия глобализации и информационной революции	33
Глава 1.3. Президентская кампания 2016 г.: Электоральные размежевания, их политическая интерпретация и социальный бэкграунд	53
Глава 1.4. Личность Трампа как фактор поляризации американского общества	68
Глава 1.5. Американский социум «эпохи Трампа» в зеркале общественного мнения (По результатам массовых опросов в США)	80
Часть 2. «Новый популизм» и Дональд Трамп	90
Глава 2.1. Феномен популизма: Американское измерение	90
Глава 2.2. Исторические и эволюционные разновидности популистских упований: «На правление народа, с помощью народа и ради народа»	104
Глава 2.3. Реакция западной политической науки на «новый популизм»	123
Глава 2.4. Братья по оружию или конкуренты в мировой политике? Д. Трамп и европейский праворадикальный популизм в зеркале сравнительной политологии	142
Часть 3. Внутренняя политика Д. Трампа	157
Глава 3.1. Институт президентства в США в современных условиях	157
Глава 3.2. «Импичмент президента»: Политические игры на выживание	171
Глава 3.3. Экономическая политика администрации Д. Трампа: Фактор президента	188
Глава 3.4. Экономическая динамика и электоральные процессы	217
Глава 3.5. Социальное измерение политики Д. Трампа	237
Глава 3.6. Современный рынок труда в США и новации миграционной политики	253
Глава 3.7. Новые стандарты профессионального образования как инструмент внутренней и внешней политики США	281
Глава 3.8. Научно-техническая и инновационная политика Д. Трампа ..	295
Часть 4. Президент Д. Трамп как феномен американской культуры ...	312
Глава 4.1. Трамп как персонаж в интерьере американской культуры	312
Глава 4.2. Философия Трампа: Идеино-политические аспекты	340

Глава 4.3. Дональд Трамп: Речевой портрет политика	367
Глава 4.4. Новые медиа, «фейковые новости» и публичная коммуникация Дональда Трампа	385
Часть 5. Попытки ревизии международной системы при Д. Трампе ...	400
Глава 5.1. «Война санкций» как путь к новому экономическому порядку?	400
Глава 5.2. Международно-правовые стратегии политики администрации Д. Трампа	411
Глава 5.3. Администрация Д. Трампа и договоренности в политико-военной области	425
Глава 5.4. Стратегия США в области кибербезопасности и киберобороны в правление 45-го президента США	441
Глава 5.5. Кризис системы контроля над вооружениями и режима нераспространения ядерного оружия	453
Часть 6. Трансформация политики США при Д. Трампе на европейском направлении	466
Глава 6.1. Трансатлантические отношения: Отражение объективных тенденций или субъективистский подход Д. Трампа	466
Глава 6.2. Реакция Трампа на Брекзит	483
Глава 6.3. США и Германия	497
Глава 6.4. Дональд Трамп и отношения США с Францией	511
Глава 6.5. Италия и США	523
Часть 7. Динамика взаимоотношений США со странами незападного мира	535
Глава 7.1. Перелом в американо-китайских отношениях	535
Глава 7.2. Глубокая заморозка американо-российских отношений	549
Глава 7.3. Изменение баланса сил в «треугольнике» США–Китай–Россия	561
Глава 7.4. Индо-Тихоокеанский регион: Концепция Д. Трампа	578
Глава 7.5. Ближний Восток в политике США: Не уйти и не остаться	595
Глава 7.6. Латиноамериканская политика Д. Трампа	609
Заключение	625
Англоязычная развернутая аннотация (Summary).....	628

CONTENTS

Introduction (Alexey Kuznetsov)	7
Section 1. Trump's Victory as a Result of Fundamental Socio-political Shifts	17
Chapter 1.1. Trump's coming to power against the background of America's loss of leadership in the processes of economic globalization (Alexey Kuznetsov)	17
Chapter 1.2. The rise and fall of the «American dream»: Social and economic consequences of globalization and information revolution (Natalia Lapina)	33
Chapter 1.3. The presidential campaign of 2016: Electoral cleavages, their political interpretation and social background (Yuri Korgunyuk)	53
Chapter 1.4. Donald Trump as a factor of polarization of the American society (Pavel Sharikov)	68
Chapter 1.5. The American society in the «Trump era» as mirrored in public opinion (according to mass polls in the United States) (Maiya Yadova)	80
Section 2. «New Populism» and Donald Trump as Its Manifestation	90
Chapter 2.1. The populism phenomenon: American dimension (Andrey Volodin and Sergey Khenkin)	90
Chapter 2.2. Historic and evolutionary types of populist promise of «government of the people, by the people, for the people» (Mikhail Ilyin)	104
Chapter 2.3. Western political science reaction to the «new populism» (Vladimir Avdonin)	123
Chapter 2.4. Brothers in arms or competitors in the world politics? Donald Trump and the European right-wing populism in the mirror of comparative political studies (Andrey Belinskiy)	142
Section 3. Domestic Policies of Donald Trump	157
Chapter 3.1. The American institute of Presidency in the current situation (Andrey Medushevskiy)	157
Chapter 3.2. Impeachment of the President: Political survival games (Natalya Travkina)	171
Chapter 3.3. Economic policies of the Trump Administration: The Presidential factor (Vladimir Vasiliev)	188
Chapter 3.4. Economic dynamics and electoral processes (Leonid Grigoryev and Natalia Grigoryeva)	217
Chapter 3.5. The social dimension of Donald Trump's policies (Liudmila Lebedeva)	237
Chapter 3.6. The US labor market and immigration policies in the age of Trump (Sergey Veselovskiy)	253

Chapter 3.7. New standards of professional education as a means of the US domestic and foreign policies (Sergey Piastolov)	281
Chapter 3.8. Science, technology and innovation policy of the Trump Administration (Ivan Danilin)	295
Section 4. President Donald Trump as a Phenomenon of American Culture ...	312
Chapter 4.1. Trump as a character in the interior of American culture (Tatiana Krasavchenko)	312
Chapter 4.2. Trump's philosophy: Ideological and political aspects (Boris Mezhev)	340
Chapter 4.3. Donald Trump: The language profile of the politician (Elena Oparina and Maria Rarenko)	367
Chapter 4.4. New media, «fake news» and Trump's public communication (Eugenia Kazak)	385
Section 5. Quest for Revision of the International System under Donald Trump	400
Chapter 5.1. The war of sanctions as a road to a new economic order? (Alexey Kuznetsov)	400
Chapter 5.2. International legal strategies of the Trump Administration (Dmitry Krasikov)	411
Chapter 5.3. The Trump Administration and international security treaties (Philipp Trunov)	425
Chapter 5.4. The US strategy in the field of cyber-security and cyber-defense during Donald Trump's White House tenure (Andrey Manoilo) ...	441
Chapter 5.5. The crisis in the system of arms control and the non-proliferation regime (Anastasia Ponamareva)	453
Section 6. Transformation of the European Vector of the US Policy under Donald Trump	466
Chapter 6.1. Trans-Atlantic relations: The reflection of objective trends or Donald Trump's subjectivist approach? (Tatiana Parkhalina)	466
Chapter 6.2. Donald Trump's response to Brexit (Elena Ananieva)	483
Chapter 6.3. The United States and Germany (Swetlana Pogorelskaja)	497
Chapter 6.4. Donald Trump and Franco-American relations (Vladimir Chernega)	511
Chapter 6.5. The United States and Italy (Valerij Ljubin)	523
Section 7. Dynamics of the US Relations with Non-Western Nations.....	535
Chapter 7.1. A turning point in the US-China relations (Dmitry Efremenko) .	535
Chapter 7.2. Deep freeze in the US Russian relations (Dmitry Efremenko) ..	549
Chapter 7.3. Power shifts in the US–China–Russia triangle (Dmitry Efremenko)	561
Chapter 7.4. The Indo-Pacific region: Donald Trump's vision (Natalia Rogozhina, Andrey Volodin)	578
Chapter 7.5. The Middle East in the US foreign policy: Neither leave nor stay (Irina Zvyagelskaya)	595
Chapter 7.6. Donald Trump's policy towards Latin America (Petr Yakovlev)	609
Conclusion (Alexey Kuznetsov)	625
Summary (translated by Yuri Nikulichev)	628

ВВЕДЕНИЕ

Последние годы повсеместно становятся, по мнению многих, временем невыразительных политических деятелей. Тем интереснее личность Дональда Трампа – яркого, нестандартного политика, который, будучи слабо интегрированным в политический истеблишмент США бизнесменом, сумел в 2016 г. победить на выборах президента страны. Несмотря на прогнозы ряда недалеконovidных экспертов, обусловленные явным неприятием Д. Трампа значительной частью элит Соединенных Штатов, 45-й президент государства не просто удержался на своем посту, но и осуществил за четыре года серьезную трансформацию внутренней и внешней политики ведущей мировой державы. В 2020 г. Д. Трамп идет на очередные выборы, чтобы остаться в Белом доме на второй срок, однако безотносительно к результату осеннего голосования он уже ярко вошел в историю США.

Когда авторский коллектив приступил в 2019 г. к реализации масштабного проекта, результаты которого первые читатели увидят накануне президентских выборов в США, стоял закономерный вопрос, какие тематические акценты и хронологические рамки следует установить для нашей монографии. Что бы ни говорили недоброжелатели Д. Трампа, особенно среди американцев, его появление на вершине власти США никоим образом нельзя, на наш взгляд, считать случайностью. Именно поэтому нас интересовал не только Дональд Трамп как неординарная личность, но и специфика современного состояния американского общества, экономической и социально-политической системы Соединенных Штатов как среды, которая обеспечила победу на президентских выборах такого популиста.

Однако Д. Трамп – не просто один из представителей «нового популизма», который неожиданно для большинства сторонников либеральной демократии и безудержной глобализации набирает вес во многих странах мира. Провозглашенный Д. Трампом лозунг вернуть Соединенным Штатам Америки неоспоримое лидерство опирается на целый набор вполне прагматичных идей. Другое дело, что конкретные шаги пришедшего из бизнеса президента США часто выглядят нелепыми с точки зрения устоявшихся норм политической жизни в стране, включая традиции представляемой им Республиканской партии, не говоря о сфере международных отношений. Конкретные неудачи Д. Трампа как лидера страны далеко не всегда удается минимизировать благодаря сравнительно устойчивой институциональной структуре государственной власти в США, а также каждодневной бюрократической работе значительной части республиканского истеблишмента, особенно с учетом постоянного деструктивного противоборства с политическими оппонентами, прежде всего из Демократической партии. Тем не менее у Трампа есть очевидные успехи, например, в борьбе с безработицей в 2017–2019 гг., которыми

президент США справедливо гордится. Довольно неоднозначно пока выглядят шаги Д. Трампа по разрушению сложившейся в период «холодной войны» и первые годы постбиполярного мира системы международной безопасности и основных параметров глобальной экономики. Действуя часто очень резко, этот лидер по-прежнему ведущей в мире военной и экономической державы одновременно «расчищает поле» для выстраивания новой конфигурации миропорядка. Дональд Трамп ведет рискованную игру, которая затрагивает интересы многих стран, включая Россию, но пока нельзя с уверенностью назвать набор основных выгод и издержек вследствие такого реформирования международных отношений даже для США.

Сотрудники Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН и их коллеги из других известных академических институтов и вузов структурировали представленный в этой монографии анализ по главам, объединенным в семь частей. Мы не ставили задачу представить образ Дональда Трампа и его политики с какой-то одной унифицированной позиции. Для разноплановой личности и его во многом противоречивой политики такой подход был бы просто непродуктивен, демонстрируя не объективность исследователей, а их идеологические предпочтения (что как раз часто наблюдается в современных работах о США, особенно написанных самими американцами).

В первой части победа Трампа рассматривается как результат фундаментальных общественно-политических сдвигов. Прослежены причины постепенной утраты Соединенными Штатами лидерства в условиях глобализации применительно к экономической сфере, притом что стране по-прежнему нет равных в таких чувствительных вопросах, как валютные отношения (благодаря уникальной роли доллара США в мировом хозяйстве) и развитие военно-промышленного комплекса. Показано сокращение удельного веса США в мировом производстве, внешней торговле и трансграничных инвестиционных процессах – прежде всего в пользу Китая и в целом «поднимающихся экономик». Вместе с тем подчеркнуты и основные конкурентные преимущества, которые сохраняются у США, особенно в инновационных отраслях, а также имеющиеся у страны возможности закрепиться на ранее захваченных лидерских позициях, что и пытается по крайней мере декларировать Д. Трамп. Выявлена социально-экономическая предопределенность победы Д. Трампа, которая складывалась на протяжении последних десятилетий. Прослежено, как со времени окончания Второй мировой войны вплоть до вхождения США в экономическую глобализацию динамично менялась экономическая структура страны, в то время как социальная структура со свойственной ей инерционностью не поспевала за вступлением в глобальный рынок. Раскрыты порожденные глобализацией линии социального раскола между победителями «глобального соревнования» и теми, кто оказался на ее периферии и пострадал от выноса промышленного производства за рубеж. В этом контексте показана эволюция «американской мечты». Социальный состав «проигравших» достаточно разнообразен, и именно эти социальные

слои обеспечили победу Д. Трампа на выборах 2016 г., поддержав многие из его начинаний, в том числе политику реиндустриализации.

Посредством методов математического моделирования выявлено, что помимо основного электорального размежевания – между сторонниками Д. Трампа и Х. Клинтон – на выборах 2016 г. слабо проглядывалось еще одно, связанное с попытками предложить альтернативу двухпартийной политике. Отмечено, что раскол между электоратами двух главных кандидатов проходил практически по всем насущным вопросам повестки дня, но ярче всего проявился в вопросах экологии, образующих своего рода водораздел между теми американцами, которые готовы на самоограничение, и теми, кто не желает поступаться собственным благосостоянием. В качестве одного из факторов, способствовавших приходу Д. Трампа к власти, выделяется виртуозное использование им межпартийных противоречий и критического потенциала в ходе взаимодействия с различными этноконфессиональными группами населения США. Кандидат от Республиканской партии сумел заручиться поддержкой части сторонников демократов, но при этом потерял часть традиционного республиканского электората. Правопопулистские риторика и действия администрации Трампа очевидно ведут к усилению национализма в стране, что позволяет сделать вывод о том, что трампизм во многом закрепил и даже усилил раскол американского общества. Поляризацию общества в США иллюстрируют и социологические опросы, выявляющие особенности общественного восприятия Д. Трампа уже как действующего президента страны. При этом важно отметить, что не только Трамп меняет политический ландшафт американского социума, но и общество влияет на 45-го президента.

Вторая часть монографии посвящена политико-философским основам феномена Д. Трампа и его курса. Прежде всего поставлен вопрос о характере популизма Д. Трампа и его отличительных чертах. Отмечено, что в США популизм всегда играл роль «чистильщика» политической арены, неожиданно появляясь и столь же быстро с нее сходя. Эта тенденция раскрыта на основе анализа деятельности политиков соответствующего толка в конце XIX – начале XXI в. Выявлена определенная цикличность, свидетельствующая о предопределенности победы Д. Трампа на выборах 2016 г. Отмечено, что его правопопулистские лозунги удачно сочетались с образом успешного богатого бизнесмена, олицетворяющего собой возможность воплотить «американскую мечту». При этом в книге подчеркнуто, что появление экстравагантного президента-популиста поставило традиционную американскую политическую элиту перед необходимостью поиска новых подходов к управлению страной и возвращению доверия миллионов людей. На основе глубокого исторического анализа исследована природа популизма на мировом уровне, с постепенным переходом к особенностям его североамериканской модели. Регулярное демонстративное апеллирование к народу как источнику власти оказывается весьма полезным в имиджевом плане, позволяя скорректировать ряд проигрышных действий правых популистов на практике. Сделан вывод о достаточно высокой степени эффективности использования Д. Трампом и его командой привлекательных для электората аспектов правопопулистского

позиционирования, что позволяет отражать многочисленные удары, направленные на оттеснение их от власти, как с левого фланга, так и из центра.

Подъем волны популизма в ведущих западных странах в начале XXI в. заставил политическую науку искать новые концептуализации и расширять фронт исследований этого феномена. На фоне различных теоретических подходов в нашей монографии отмечен рост влияния идеологической (идеационной) концептуализации популизма, трактующей его как особую разновидность идеологии, провозглашающей превосходство «народа», осуждающей «элисту» и акцентирующей антагонизм между ними. Подчеркивая идеологическую, дискурсивную, интерпретирующую природу популизма, этот подход в то же время позволяет интегрировать в исследования процедурные и структурные аспекты данного политического явления, в том числе характеристики связанных с ним политических акторов, а также параметры социальных и экономических условий. Далее в книге представлена попытка конкретного сопоставления идейных основ, исторических путей и особенностей правого популизма в США и странах ЕС. Проанализированы причины подъема правого популизма по обе стороны Атлантики: негативное восприятие глобализации и демонтажа социального государства, кризис национальной либеральной идентичности. В этой связи показан общий мотив для правых популистов: стремление вернуть власть в руки народных масс, отодвинув от управления узкую олигархическую верхушку. Для достижения своих целей правые популисты как в США, так и в странах ЕС готовы использовать широкий набор методов. Прослеживается также тенденция к авторизации власти лидерами правых популистов, причем в случае европейских государств она проявляется более явно, чем в Соединенных Штатах, что объясняется особенностями функционирования их политической системы. Вместе с тем двум рассматриваемым типам правого популизма присущи и различия: организационного толка (наличие партий в Европе и движений в США), степени радикализма, а также масштаба реального проникновения в высшие эшелоны власти.

Третья часть монографии направлена на изучение экономических и социально-политических особенностей курса администрации Д. Трампа. Начинается анализ с основных нарушений Д. Трампом (в понимании оппозиции) положений Конституции США, прежде всего поправок к ней. Отмечено, что президент Д. Трамп нарушает конвенциональные нормы о присутствии и функционировании независимых акторов в правительстве, а также четком разделении публичных и частных интересов чиновников. Далее рассмотрен процесс импичмента 45-го президента США как отражение глубокого политического кризиса, в который оказались вовлечены все институты государственной власти. Отмечено, что импичмент Д. Трампа имел мало общего с чисто юридическим процессом, позволявшим отстранить от должности преступившего закон главу государства. Он стал политическим оружием демократов, лишив президента возможности реализовать заявленную им на выборах программу и ставя под сомнение его шансы на переизбрание. «Вторым изданием» процесса импичмента характеризуется позиция политических оппонентов Д. Трампа, избравших полем ожесточенной борьбы действия его администрации по преодолению социально-экономических последствий пан-

демии коронавируса. В качестве возможной прогностической модели определения дальнейшей судьбы «трампизма» дан анализ других безуспешных попыток лишить власти президентов США и их последствий для президентов Эндрю Джонсона и Уильяма Клинтона.

Логичным продолжением данной темы стало исследование фактора президента в рамках экономической политики его администрации. Показана исключительно высокая личная роль 45-го президента США в проведении национального курса в экономической сфере. Д. Трамп стремится перенести свой богатый опыт крупного бизнесмена на уровень управления страной в целом. Раскрыты институциональные изменения: понижение реальной роли Национального экономического совета и Совета экономических консультантов, а также попытки «трампизации» Федеральной резервной системы. Отдельное внимание уделено фискальной политике, особенно в свете роста государственного долга США. Показана также взаимозависимость электоральных процессов в США и экономического развития страны. Отмечено, что в период выборов Х. Клинтон во многом не смогла опереться на экономические успехи демократической администрации Б. Обамы, учитывая специфику памяти избирателя. Напротив, их впоследствии смогла эффективно использовать республиканская администрация Д. Трампа. Исследовано влияние курса Трампа в экономической сфере на цикл деловой активности в США. В тесной связи с экономическими параметрами этого курса исследована эволюция социальных индикаторов в период пребывания Д. Трампа у власти. Отмечено, что экономический рост 2017–2019 гг. сопровождался увеличением среднего уровня доходов домохозяйств, снижением одновременно и инфляции, и безработицы, а также уменьшением доли лиц с доходами за чертой бедности. На этом фоне рассмотрены трансформация структуры бюджетного финансирования, роль государственных пенсионных гарантий, их особое значение для низкодоходных групп населения. Отмечен в целом положительный мотивационный эффект от налоговой реформы Д. Трампа для развития предпринимательства в США. Пандемия коронавируса внесла изменения в социальные новации Д. Трампа, нацеленные в первые три года его президентства преимущественно на расширение возможностей самообеспечения, повышение индивидуальной ответственности. Пандемия и ее экономические последствия потребовали широкомасштабной государственной поддержки американских домохозяйств и предпринимателей, которая рассматривается администрацией Д. Трампа как чрезвычайная, а восстановление экономического роста – в качестве основы обеспечения социальной защиты населения. Отдельно рассмотрены элементы «трампномики», давшие мощный импульс невиданному за многие десятилетия снижению уровня регистрируемой безработицы и росту занятости, приведшие к масштабным изменениям конфигурации рынка труда в США в 2017–2020 гг. Реанимационные по сути меры непрямого воздействия на рынок труда (через налоговую, инвестиционную, внешнеторговую политику), провозглашенные Д. Трампом еще в ходе избирательной кампании и реализованные им в первые три года президентства, позволили добиться динамичных позитивных изменений прежде всего посредством стимулирования создания новых рабочих мест в производственном секторе

экономики. Особое внимание уделено осмыслению действий администрации Трампа в области стандартов профессионального образования в контексте его экономической политики, своим «острием» имеющей реиндустриализацию. Завершается третья часть монографии анализом научно-технической и инновационной политики Д. Трампа. Показано, что при снижении акцента на прямую поддержку федеральная политика в этой сфере остается значимой. Ее спецификой стал рост влияния внешних факторов, особенно противостояния с Китаем. При этом логика научно-технической политики при Д. Трампе следовала давно заложенным трендам, включая рост опоры на государственно-частные партнерства и «приватизацию» части функций в сфере научно-технологического развития.

Четвертая часть нашего коллективного труда посвящена имиджевому восприятию феномена Д. Трампа. Вначале Трамп предстает как персонаж в интерьере американской культуры. Несмотря на принадлежность к финансовой верхушке, он олицетворяет собой «*homo americanicus*» с психологией и уровнем культуры «массового» гражданина. Отсюда критическое восприятие его фигуры интеллектуальной элитой и представителями «высокой» культуры. Образы предшественников Трампа – политиков, склонных к популизму и лицедейству, нередко встречаются в американской литературе, чутко отражающей социальную жизнь. Исследованы «взаимоотношения» Трампа с массовой литературой, кино, телевидением, изобразительным искусством. Тут наблюдается своеобразный парадокс: массовая культура научила Трампа «технике» воздействия на массовое сознание, привела его в Белый дом, а ныне его пародирует и отторгает. Трамп представлен как политик, вызывающий этическое и эстетическое неприятие у многих в США и за их пределами. Но очевидно и то, что, несмотря на всю свою эксцентричность, он вполне вписывается в национальный культурный дискурс, инкорпорирующий политику. Трамп пока не нарушает традиционные нормы, не переходит границу, отделяющую демократическую историю США от пространства «альтернативной истории», о возможности которой предупреждали американские писатели и которой ныне опасается половина электората «расколовшейся» Америки. Далее представлено формирование идеологической платформы трампизма как равнодействующей шести основных направлений американской философии (неоконсерватизма, либертарианства, палеоконсерватизма, подходов «альтернативных правых», экономического национализма и постлиберализма). Отмечено, что почти все они развились на фоне кризиса консервативной ортодоксии во время и по окончании периода пребывания у власти Дж. Буша-мл.

Создание объемного и полноценного имиджа 45-го президента США было бы невозможно без его речевого портрета. Особенности языка Д. Трампа рассмотрены как выражение сформировавшейся у него системы представлений о «стране и мире», о потребностях избирателей, о «правильном» пути и собственной миссии. В этой связи внимание уделено композиционным характеристикам выступлений Д. Трампа, а также особенностям коммуникативной стратегии, позволяющим ему предстать перед американскими избирателями в разных «ролях» – борца, патриота, реформатора и пр. Исследованы содержательные и формальные особенности активного словаря

ного запаса Д. Трампа и используемые им лингвостилистические приемы на разных уровнях языка, такие как эпитет, метафора, сравнение, гипербола, параллелизм конструкций, повторы. Завершается четвертая часть монографии анализом роли различных массмедиа в ходе президентских избирательных кампаний в США начиная с 1960-х годов. Отмечено, что выборы 2016 г. в этой связи стоят особняком. Политическое соперничество уходит с телевидения и из других традиционных СМИ в «новые медиа» электронной коммуникации, двигаясь вслед за уходящими в новое информационное пространство избирателями, преимущественно молодыми. Более активное и успешное, чем в случае Х. Клинтон, использование Д. Трампом Интернет-ресурсов, и в частности Твиттера, стало одним из важнейших факторов обеспечения его победы. Кандидат от Республиканской партии жестко и не стесняясь в выражениях критиковал журналистов (последовательно ассоциируя их с «фейковыми новостями»), при этом демонстрируя собственную беспрецедентную доступность и готовность обсуждать любые, даже самые острые темы. Фактически избирательная кампания Д. Трампа превратилась в огромное театрализованное шоу.

Пятая часть завершает собой цикл разделов коллективной монографии, построенных по проблемному принципу, и посвящена рассмотрению стратегии и тактики Д. Трампа в области международной безопасности в широком понимании. Начинается анализ с изучения особенностей введения, использования, а также имиджевой роли экономических санкций, используемых администрацией Д. Трампа. Далее выявлены и рассмотрены стратегии в сфере международно-правового сотрудничества, используемые президентом Трампом для достижения поставленных им внутривнутриполитических и внешнеполитических целей. Такими стратегиями выступают ослабление многосторонних институтов и правовых режимов, снижение зависимости от них самих США, а также использование пересмотра международных торговых соглашений и одностороннее введение торговых ограничений.

Проведен анализ подходов Д. Трампа в области безопасности и обороны, а также сделана попытка найти объективный общий знаменатель в непредсказуемых (особенно на первый взгляд) действиях администрации 45-го президента США в области международной безопасности. В качестве составляющих трампизма рассмотрено стремление обеспечить максимальные выгоды для самого Д. Трампа (в том числе имиджевые), повысить эффективность внешней политики и создать резерв различных инструментов (включая собственно военные силы). Далее рассматриваются стратегия и тактика Соединенных Штатов в области обеспечения кибербезопасности и киберобороны. Прослежена эволюция понятий «информационная война» и «психологическая операция» при администрации Д. Трампа, а также раскрыто наличие «доктринального простора» для деятельности спецслужб в области кибербезопасности и влияние данного фактора на развитие системы международной безопасности в целом. Дана обзорная оценка состоянию дел в сфере контроля над вооружениями, прежде всего стратегическими, и проанализирована направленность политики администрации Д. Трампа на выход из максимального числа существующих договоренностей для обеспечения «свободы рук».

Раскрыт вклад США в денонсацию Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, составлявшего одну из опор российско-американского взаимодействия по вопросам безопасности и обороны. Рассмотрено также формальное и фактическое значение «китайского фактора» для политики Трампа в области контроля над стратегическими вооружениями.

Шестая часть монографии объединяет исследования по политике администрации Д. Трампа в отношении стран – участниц Евро-Атлантического сообщества. Вначале дана объемная картина глубокого кризиса отношений между США и их европейскими партнерами по НАТО. Отмечена непредсказуемость как «визитная карточка» внешней политики администрации Д. Трампа и особенно ее действий в области безопасности и обороны. Представлена эволюция восприятия 45-м президентом США практической ценности НАТО для трансатлантических отношений. Затем рассмотрены взаимоотношения США и Великобритании в период президентства Д. Трампа. В фокусе внимания находится эволюция отношения Вашингтона к Брекзиту. Далее раскрыты особенности диалога США и ФРГ во второй половине 2010-х годов. Объяснено, почему Германия (наряду с ЕС) стала основным объектом критики администрации Д. Трампа в рамках Евро-Атлантического сообщества. При анализе отношений США и Франции особое внимание уделено игнорированию администрацией Д. Трампа фактора державности, исключительно важного во внешнеполитическом планировании и деятельности Пятой республики, что стало масштабным «раздражителем» в двусторонних отношениях. В данной связи отмечены неудачные попытки президента Э. Макрона принять функции посредника в прекращении торгового конфликта между США и ЕС. При анализе диалога США и Италии показано, что двусторонние отношения после Второй мировой войны характеризовались готовностью официального Рима следовать в фарватере внешней политики США, однако ситуация начала меняться. Выявлено растущее стремление руководства Италии к диверсификации международных связей, но по возможности не в ущерб развитию диалога с США.

Седьмая часть нашей книги посвящена исследованию внешнеполитических действий администрации Д. Трампа в отношении незападных держав, роль которых в мировой политике неуклонно возрастает. Вначале описывается перелом в американо-китайских отношениях. Прослежено содержание контактов лидеров Китая и США, дан анализ причин и хода масштабного торгового конфликта между двумя державами, сценарии возможного развития. Особое внимание уделено восприятию в США китайской инициативы «Один пояс, один путь», а также резкому охлаждению отношений между США и Китаем в связи с распространением пандемии COVID-2019. Анализ состояния отношений США и Российской Федерации в период президентства Д. Трампа охарактеризован как «глубокая заморозка». Сделаны выводы о перспективах вывода из «тупика» отношений Москвы и Вашингтона. Отдельная глава книги посвящена изменению баланса сил в «треугольнике» США–Китай–Россия. Даже при отсутствии формализованного трехстороннего взаимодействия между вершинами «треугольника» возникает своеобразное силовое поле, оказывающее мощное влияние на мировой порядок в це-

лом. При этом ухудшение отношений с США стало для России и КНР дополнительным стимулом к сближению.

Три главы этой части монографии посвящены взаимодействию США со странами глобального Юга. Представлено концептуальное описание Индо-Тихоокеанского региона и охарактеризован ресурсный потенциал (прежде всего военный), который США могут использовать на данном стратегическом направлении. Исследована динамика торговли Соединенных Штатов со странами АСЕАН как фактор укрепления двух- и многосторонних контактов; основные вызовы для США, исходящие из Индо-Тихоокеанского региона к началу 2020-х годов. Далее представлен анализ особенностей политики США на Ближнем Востоке в период президентства Д. Трампа. Сделан акцент на восприятии действий администрации Трампа ближневосточными государствами, включая американских союзников в регионе. Особое внимание уделено динамике конфронтации Ирана и США. Раскрыт подход США к урегулированию арабо-израильского конфликта в целом и «палестинской проблеме». Разумеется, изучено и латиноамериканское направление линии США на мировой арене во второй половине 2010-х годов. Рассмотрено восприятие победы Д. Трампа истеблишментом стран Южной Америки и влияние трампизма на изменения политической конфигурации в Западном полушарии. Подчеркнуто фактическое возвращение США к духу «доктрины Монро» и дипломатии «большой дубинки». Показаны детерминированность и динамика кризиса отношений США и Мексики. В деталях прослежена ревизия условий торговли между «двумя Америками», прежде всего трансформация положений НАФТА. Рассмотрена линия США в ходе кризиса в Венесуэле.

Резюмируя, отметим, что издавна характерный для ИНИОН РАН широкий спектр исследований в различных социальных и гуманитарных дисциплинах, а также традиционно устойчивые кооперационные связи с учеными ведущих московских научных центров позволили реализовать этот междисциплинарный проект. Типичные для анализа президентства Д. Трампа подходы политологов и экономистов были дополнены методами социологии, философии, литературоведения и языкознания. Выводы участвовавших в авторском коллективе известных американистов оказались верифицированы экспертным мнением признанных ученых-международников, специализирующихся на изучении Западной Европы, Южной и Тихоокеанской Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки.

Авторский коллектив монографии, подготовленной под руководством члена-корреспондента РАН А.В. Кузнецова, представляют: В.С. Авдониин (глава 2.3), Е.В. Ананьева (глава 6.2), А.В. Белинский (глава 2.4), В.С. Васильев (глава 3.3), С.Я. Веселовский (глава 3.6), А.Г. Володин (главы 2.1 и 7.4), Л.М. Григорьев и Н.Л. Григорьева (глава 3.4), И.В. Данилин (глава 3.8), Д.В. Ефременко (главы 7.1, 7.2 и 7.3), И.Д. Звягельская (глава 7.5), М.В. Ильин (глава 2.2), Е.А. Казак (глава 4.4), Ю.Г. Коргунюк (глава 1.3), Т.Н. Красавченко (глава 4.1), Д.В. Красиков (глава 5.2), А.В. Кузнецов (главы 1.1 и 5.1, введение и заключение), Н.Ю. Лапина (глава 1.2), Л.Ф. Лебедева (глава 3.5), В.П. Любин (глава 6.5), А.В. Манойло (глава 5.4), А.Н. Медушевский (гла-

ва 3.1), Б.В. Межуев (глава 4.2), Е.О. Опарина (глава 4.3), Т.Г. Пархалина (глава 6.1), С.В. Погорельская (глава 6.3), А.М. Понамарева (глава 5.5), С.М. Пястолов (глава 3.7), М.Б. Раренко (глава 4.3), Н.Г. Рогожина (глава 7.4), Н.М. Травкина (глава 3.2), Ф.О. Трунов (глава 5.3), С.М. Хенкин (глава 2.1), В.Н. Чернега (глава 6.4), П.А. Шариков (глава 1.4), М.А. Ядова (глава 1.5) и П.П. Яковлев (глава 7.6). Ученый секретарь издания – Ф.О. Трунов. Перевод англоязычной развернутой аннотации выполнен Ю.В. Никуличевым.

ЧАСТЬ 1.

ПОБЕДА ТРАМПА КАК РЕЗУЛЬТАТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИХ СДВИГОВ

Глава 1.1.

ПРИХОД ТРАМПА К ВЛАСТИ НА ФОНЕ ПОТЕРИ США ЛИДЕРСТВА В ПРОЦЕССАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

Появление любого политика во главе крупного государства с долгими электоральными традициями скорее всего закономерно и может быть объяснено множеством тенденций, назревавших либо давно проявившихся внутри страны и/или в ее внешнем окружении. Избранный осенью 2016 г. президентом США Дональд Трамп – человек незаурядный, но отнюдь не обладающий большим количеством уникальных черт для политического ландшафта Соединенных Штатов. При этом спрос на появление «свежего» человека в политическом истеблишменте в стране зрел уже далеко не один год.

Все, кому приходилось общаться с представителями интеллектуальной и политической элиты ведущей сверхдержавы современности, знают об их шоке от результатов выборов, знаком и нынешний их скепсис относительно способностей Д. Трампа руководить страной и возможностей переизбраться на новый срок. Однако же его победа на выборах 45-го президента США – историческая реальность. Более того, несмотря на свою чуждость политическому истеблишменту, Трамп преодолел большинство «подводных камней», руководя государством на протяжении четырех лет, и к середине 2020 г. этот бесспорно талантливый политик вышел на финишную прямую предвыборной гонки по переизбранию на высший пост в Соединенных Штатах. Можно искать причины успеха Д. Трампа в особенностях его личности, поскольку он действительно мастерски овладел популистскими технологиями благодаря своей деловой хватке крупного предпринимателя. Это будет сделано в нескольких главах нашей книги, но это объясняет лишь конкретный результат на отдельно взятых выборах 2016 г.

Вместе с тем голосовавшие за Трампа десятки миллионов американцев, специфику жизни которых (в основном в «глубинке») большинство интеллектуалов крупнейших городов США представляют себе очень смутно, делали вполне осознанный выбор между ним и Хиллари Клинтон. Безусловно,

¹ Кузнецов Алексей Владимирович – член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, врио директора ИНИОН РАН, главный научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН (kuznetsov_alexei@mail.ru).

они реагировали на конкретные проблемы в социально-политическом и экономическом развитии США. Также очевидно, что далеко не все их чаяния Д. Трамп способен удовлетворить. Однако и уже сложившиеся внутренние дисбалансы в Соединенных Штатах, поляризующие общественно-политическую сферу страны, и трудности реализации эффективной государственной социально-экономической политики, демонстрирующие слабости любых последних президентов и их администраций, берутся не сами по себе – все большее влияние на развитие США оказывают процессы экономической глобализации. Когда-то именно ускоренная интернационализация виделась в США важным рецептом для укрепления экономической мощи страны. Теперь же США не всегда выдерживают конкурентную борьбу в быстро меняющемся благодаря глобализации мировом хозяйстве, причем проигравшими в стране оказываются только отдельные социальные слои, зато вполне многочисленные для обеспечения победы на выборах президента такого кандидата, как Д. Трамп.

Трудно ожидать объективных оценок положения США в мировом хозяйстве и системе международных отношений от самих американцев – «большое видится на расстоянии». Справедливости ради надо признать наличие у американских экспертов довольно внушительного количества публикаций с адекватными оценками меняющихся позиций США, но они часто тонут в еще большем массиве поверхностных статей и книг. К сожалению, многим исследователям в США, особенно из так называемых «фабрик мысли» (think tanks), которыми правящие элиты вытесняют с экспертного поля настоящие научные центры, свойственен чрезмерный американоцентризм. В качестве примера приведем анализ борьбы с коронавирусом, которая приковала внимание экспертов весной-летом 2020 г. Так, многие годы лидирующий в рейтингах «фабрик мысли»² Институт Брукинга представил доклад о выходе из карантина «Америки и мира», где в свойственной многим американцам манере авторы предлагают анализ наработанного в США опыта преодоления негативных проявлений пандемии для помощи мировому сообществу. Изрядно критикуя Д. Трампа, они забывают, однако, сказать, что система здравоохранения США продемонстрировала самый беспомощный ответ среди всех развитых держав, поставив под вопрос подлинную цену человеческой жизни в этой стране³. С другой стороны, названный в том же рейтинге лучшим в мире в области международной экономической политики Институт мировой экономики Петерсона (PIE) подготовил доклад, в котором основное внимание в борьбе с пандемией COVID-19 (унесшей свыше 400 тыс. жизней за четыре месяца с момента первой смерти вне КНР, в том числе более 110 тыс. в США) обращено на потенциал «Группы двадцати» (G20). При этом сотруд-

² McGann J.G. 2019 Global Go To Think Tank Index Report. – Think Tanks and Civil Societies Program, University of Pennsylvania, 2020. – 270 p. – Mode of access: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1018&context=think_tanks (Date of access 20.02.2020).

³ Reopening America. How to Save Lives and Livelihoods / Ed. By Allen J.R., West D.M. – The Brookings Institution, 2020. – 106 p. – Mode of access: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/06/Brookings-Reopening-America-FINAL.pdf> (Date of access 09.06.2020).

ники Института Петерсона вступают в полемику с Д. Трампом, обвиняя его в подрыве доверия в столь нужном диалоге с другими странами, включая членов ЕС и Китай⁴.

Внешние по отношению к США наблюдатели также далеко не всегда демонстрируют объективные оценки. Давно известно, что хорошие страноведы должны позитивно относиться к предмету своего изучения. Вместе с тем подлинный интерес к стране не должен заслонять недостатки любимого предмета. Нередко американисты переоценивают устойчивость позиций США (мы не берем в расчет тех горе-экспертов, которые с завидной регулярностью предрекают крах Соединенных Штатов, доллара США и т.п.). Достаточно привести примеры некоторых названий глав монографий и статей, изданных известными российскими специалистами и содержащих характеристику экономического положения США к концу президентства Б. Обамы: «Корпорации США: Уверенное сохранение глобального лидерства»⁵, «Трансокеанские партнерства – новый этап мирового интеграционного процесса»⁶ и др. Отдельно упомянем, как в 2015–2016 гг. многие российские эксперты, уверенные в победе демократов на президентских выборах, строили прогнозы о перекройке принципов международных экономических отношений под эгидой возглавляемых США мегарегиональных торговых партнерств (Трансатлантического торгово-инвестиционного и Транстихоокеанского).

Важное значение США (равно как и доступность детальной статистики в сети Интернет, публикация всей информации на английском языке и прочие удобства для исследователя) предопределило регулярный выход статей и книг по экономике этой страны, в том числе в России. В то же время нередко авторы делают акцент на внутренней специфике Соединенных Штатов без их широкого сопоставления с другими государствами, что показало бы действительно самые яркие особенности этой державы⁷. В этой главе речь пойдет о специфике лидерства США на фоне успешных в экономическом плане на протяжении многих прошлых лет западноевропейских государств, а также динамично развивающихся в последние десятилетия стран Тихоокеанской Азии.

Доллар и военная мощь versus «американская мечта» и инновации

Начинать анализ современных позиций США в мире с роли доллара в глобальной экономике не всегда удобно, поскольку этот подход неадекватно воспринимается американофилами. Однако именно уникальная позиция дол-

⁴ How the G20 Can Hasten Recovery from COVID-19 / Ed. by Obstfeld M., Posen A.S. April 2020 // ПИЕ. – Mode of access: <https://www.piie.com/sites/default/files/documents/piieb20-1.pdf> (Date of access 20.05.2020).

⁵ США: Возможности и пределы экономического и политического лидерства. Том 1 / Отв. ред. Э.В. Кириченко. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 240 с.

⁶ Портной М.А. Трансокеанские партнерства – новый этап мирового интеграционного процесса // США и Канада: Экономика, политика, культура. 2016. № 8 (560). – С. 73–84.

⁷ См., например: Экономика США в XXI веке: Вызовы и тенденции развития / Под ред. В.Б. Суняна; Ин-т США и Канады РАН. – М.: Издательство «Весь мир», 2018. – 424 с.

лара США, сохраняющаяся после окончания Второй мировой войны, обеспечивает Соединенным Штатам особое положение в мировом хозяйстве. Бесспорно, без целого набора других конкурентных преимуществ ресурс доллара как ключевой мировой валюты был бы быстро растрачен. Вместе с тем исходная позиция национальной валюты США, среди прочего позволяющая десятилетиями сохранять большое отрицательное сальдо в торговле (т.е. по сути жить в долг, да еще в условиях, когда другие страны хотят дать займы), сложилась в результате уникальных политических событий 1940-х годов. Еще на рубеже 1950–1960-х годов не только выдающийся отечественный дипломат, но и признанный экономист-американист А.А. Громько показал историю захвата долларом США лидирующих позиций в мировой финансовой системе, а также факторы (в том числе внеэкономические), которые позволяли продолжать экспансию доллара в мире⁸. Уже давно нет Бреттон-Вудской системы, но грамотные политические действия США в последние два года Второй мировой войны, не позволившие европейцам (несмотря на наличие знаменитых экспертов, включая Джона Мейнарда Кейнса) отстаивать свои права, создали условия для сохранения и по сей день системы с абсолютным доминированием доллара⁹. Даже в XXI в. его не могут потеснить ни единая европейская валюта евро, ни тем более валюты государств Тихоокеанской Азии (тогда как создание в этом регионе общей валюты из-за политических трений ведущих стран в обозримой перспективе исключено). В апреле 2019 г. на доллар США приходилось 88,3% оборота всех валютнообменных операций, что было выше уровня 1990-х годов, когда еще существовали разнообразные свободно конвертируемые европейские валюты, и почти равно уровню начала 2000-х годов, когда был введен евро. На единую европейскую валюту приходилось только 32,3%, на японскую иену – 16,8, британский фунт стерлингов – 12,8, остальные валюты – в целом 49,8% (поскольку речь идет о валютных парах, то сумма составляет 200%)¹⁰. В долларах США ведутся расчеты за значительную часть внешнеторговых операций, в них устанавливаются котировки большинства сырьевых товаров, без американского доллара трудно представить валютные резервы центральных банков государств во всем мире.

Есть и второй уникальный фактор, предопределяющий лидерство США. Соединенные Штаты – это ядерная сверхдержава, осуществляющая колоссальные военные расходы (в том числе для создания самых современных образцов неядерного оружия) и имеющая армию, регулярно участвующую в операциях против других суверенных государств без мандата ООН. Дональд Трамп – первый за последние годы президент США, который пока

⁸ См. монографию, вышедшую под псевдонимом и теперь доступную онлайн на сайте ИНИОН РАН: Андреев Г. Экспансия доллара. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961. – Mode of access: http://inion.ru/site/assets/files/4317/gromyko_ekspansiia_dollara.pdf (Date of access 4.03.2020).

⁹ Буторина О.В. Экономическая история евро. – М.: Изд-во «Весь мир», 2020. – С. 12–56.

¹⁰ Triennial Central Bank Survey Global foreign exchange market turnover in 2019. – Bank for International Settlements, 2019. – P. 1. – Mode of access: https://www.bis.org/statistics/rpfx19_fx_annex.pdf (Date of access 28.04.2020).

не развязал новой войны. В американской политической традиции это называется изоляционизмом. Однако и Д. Трамп регулярно рассылает угрозы, к которым большинство стран мира относится весьма серьезно. Только за последнюю четверть века три довольно амбициозные региональные державы – Союзная Республика Югославия, Ирак и Ливия – были фактически расчленены, а их лидеры скончались отнюдь не у себя дома (причем лишь один по приговору хотя бы какого-то суда) в результате военных операций, проведенных коалициями с участием Соединенных Штатов.

Об абсолютном превосходстве США в военной экономике наглядно свидетельствуют данные шведского института SIPRI. В 2017–2018 гг. первые четыре строчки в мире (без учета Китая) среди корпораций по продажам, относящимся к сегментам оружия и военной техники, занимают компании США – «Lockheed Martin Corp.» (почти вдвое превышая четыре крупнейшие российские корпорации вместе взятые и более чем в 1,3 раза – четыре ведущие компании стран ЕС без Великобритании), «Boeing», «Northrop Grumman Corp.» и «Raytheon». В 2018 г. на пятое место поднялась, потеснив британскую «BAE Systems», еще одна компания из США – «General Dynamics Corp.». Среди первых 25 корпораций в мире по продажам военной продукции из США были 15 компаний в 2017 г. и 14 – в 2018 г., среди первой сотни – почти половина из США¹¹.

После окончания «холодной войны» сокращение военных расходов в течение 1990-х годов хотя бы в 1,5 раза продемонстрировали из значимых держав только Россия, ЮАР и Аргентина. Милитаризация начала XXI в. ознаменовалась новым наращиванием военных расходов в Соединенных Штатах, которое перекрыло все сокращения, наблюдавшиеся после распада bipolarной системы. Конечно, и многие другие государства сильно увеличили свои военные расходы в постоянных ценах (см. табл. 1). Однако к 2016 г. по этому показателю США более чем в 1,5 раза превосходили Китай, Россию, Индию и Саудовскую Аравию вместе взятые¹²! С избранием Д. Трампа почти не осталось крупных государств, заметно сокращающих военные расходы (кроме России).

В результате у США в руках постоянно находится важный козырь в переговорах с европейскими союзниками, которые устойчиво в течение всех послевоенных десятилетий демонстрировали нежелание платить за собственную безопасность. При этом данные по военным ТНК показывают: США финансируют собственный оборонно-промышленный комплекс, который стимулирует развитие всего инновационного комплекса страны, что не имеет никакого отношения к безопасности в Европе. В свою очередь, государствам, которые США не видят в числе своих стратегических партнеров, остается только думать об асимметричных ответах и укреплять свою оборону, по-

¹¹ The SIPRI Top 100 arms-producing and military services companies in the world (excluding China). December 2019 // SIPRI. – Mode of access: https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRI-Top-100-2002-2018_0.xlsx (Date of access 5.05.2020).

¹² Правда, разрыв между США и СССР в конце 1980-х годов был вообще на уровне в 2,5 раза.

сколькx печальный пример Советского Союза показал, чем заканчивается «гонка вооружений» с США.

Таблица 1

Военные расходы стран в постоянных ценах

Страна	Военные расходы в ценах 2018 г., млрд долл.					Прирост военных расходов			
	1989 г.	1999 г.	2009 г.	2016 г.	2019 г.	за 30 лет		за 20 лет	
						млрд долл.	%	млрд долл.	%
США	651,97	449,37	826,25	669,45	718,69	66,72	10	269,32	60
Китай	20,13	39,64	136,81	225,56	266,45	246,32	1224	226,81	572
Индия	20,00	28,08	51,46	59,83	70,79	50,79	254	42,71	152
Россия (СССР)	257,19	17,26	48,22	79,01	64,14	-193,05	-75	46,88	272
Саудовская Аравия	22,56	28,56	52,57	64,70	62,53	39,97	177	33,97	119
Франция	53,83	47,47	53,00	52,03	52,23	-1,6	-3	4,76	10
ФРГ	61,53	45,50	44,07	43,78	51,19	-10,34	-17	5,69	13
Великобритания	55,90	43,89	59,77	49,91	49,92	-5,98	-11	6,03	14
Япония	40,00	45,20	45,47	46,51	46,56	6,56	16	1,36	3
Республика Ко- рея	16,15	20,97	33,68	40,25	46,28	30,13	187	25,31	121
Италия	30,91	32,52	32,30	27,35	28,04	-2,87	-9	-4,48	-14
Бразилия	16,20	16,11	23,80	24,81	28,03	11,83	73	11,92	74
Австралия	12,59	14,90	22,03	27,55	27,40	14,81	118	12,50	84
Канада	17,51	13,52	19,47	18,90	22,28	4,77	27	8,76	65
Турция	6,75	13,22	11,39	14,42	20,80	14,05	208	7,58	57
Израиль	11,45	11,84	15,39	18,91	20,10	8,65	76	8,26	70
Испания	17,71	18,48	19,23	15,51	17,99	0,28	2	-0,49	-3
<i>Справочно:</i>									
Польша	6,22	5,72	7,82	10,40	12,34	6,12	98	6,62	116
Пакистан	4,38	5,00	6,64	9,38	11,74	7,36	168	6,74	135
Тайвань	11,38	12,43	11,03	10,60	10,62	-0,76	-7	-1,81	-15
Алжир	0,62	2,20	5,07	10,55	10,33	9,71	1566	8,13	370
Колумбия	2,09	4,93	9,18	9,66	10,80	8,71	417	5,87	119
Иран	4,57	5,61	14,71	13,28	9,58	5,01	110	3,97	71
Индонезия	2,19	2,17	3,72	7,39	7,38	5,19	237	5,21	240
Мексика	2,17	3,11	4,45	5,76	6,30	4,13	190	3,19	103
Греция	5,92	7,71	9,63	5,39	5,73	-0,19	-3	-1,98	-26
Малайзия	1,49	2,38	4,25	4,49	3,83	2,34	157	1,45	61
ЮАР	5,68	2,15	3,65	3,87	3,62	-2,06	-36	1,47	68
Марокко	1,86	1,70	2,94	3,57	3,76	1,90	102	2,06	121
Аргентина	5,49	3,43	3,65	3,92	3,49	-2,00	-36	0,06	2

Источник: Military expenditure by country, in constant (2018) US\$ m., 1988–2019. SIPRI, 2020. – Mode of access: <https://www.sipri.org/databases/milex> (Date of access 1.06.2020).

Опубликованные SIPRI цифры показывают, что в последние 20 лет США явно стремятся не отставать в милитаризации от Китая¹³. Можно сколько угодно рассуждать о торговой и инвестиционной взаимозависимости Китая и США, но в начале 2020 г. китайские коммунисты пошли на сделку с Д. Трампом в немалой степени потому, что были вынуждены считаться с более сильным в военном отношении противником, который десятилетиями укреплял свое военное присутствие вокруг КНР. Правда, при всем нестандартном поведении Д. Трампа в отношениях с Китаем нельзя не признать, что все стоящие перед ним проблемы, причем находящиеся часто в запущенном состоянии, он получил в наследство от предшественников (начиная с результатов непродуманной политики заигрывания с КНР в пику Советскому Союзу в 1970-е годы).

Нельзя забывать и об экстерриториальном законодательстве США, что невысказано для любой иной страны с куда меньшей военной мощью. Это хороший инструмент для запугивания других государств и представителей их элит угрозой применения так называемых «экономических санкций» или ужесточения экономических ограничений, являющихся по сути дозволенными только США мерами недобросовестной конкуренции с политически мотивированным протекционизмом.

Всё описанное – реальность современной международной политики. Но почему же тогда только эксперты-маргиналы считают Соединенные Штаты мировым жандармом, паразитирующим с помощью доллара на других национальных экономиках? Что перевешивает другую чашу весов? На наш взгляд, США имеют пока два неоспоримых преимущества. Прежде всего многих людей во всем мире по-прежнему влечет «американская мечта», причем США вкладывают колоссальные средства в продвижение положительного образа своей страны, а точнее жизни в ней, с помощью самых разных инструментов «мягкой силы». Дональд Трамп сколько угодно может выступать против нелегальной иммиграции, но постоянный приток человеческого капитала обеспечивает США нестандартную демографическую ситуацию среди стран глобального Севера. Соединенным Штатам не грозит депопуляция, после распада СССР они устойчиво занимают третье место в мире по численности населения. Более того, в США переезжают тысячи образованных специалистов из разных государств, в том числе высокоразвитых. На наш взгляд, большие социальные контрасты, большая сегрегация – не только проблема, но и конкурентное преимущество США. Если в Европе благодаря уже более чем столетней истории развития социального государства состоятельные слои населения, в том числе высокооплачиваемые интеллектуалы (наемные служащие либо лица свободных профессий), фактически вынуждены делиться с бедняками ради всеобщего минимального уровня благополучия, то в США представителей «креативных классов» ждут явно большие личные доходы даже при том же среднем размере ВВП на душу населения при расчете

¹³ Все региональные противостояния не идут ни в какое сравнение с соперничеством США и Китая (включая индо-пакистанское, не говоря об израильско-ближневосточном или турецко-греческом).

по паритетам покупательной способности валют (ППС), нежели в их родной стране. При этом большое и численно растущее население страны в условиях довольно высокого уровня формального образования, о качестве которого спорить здесь не будем, и высокая предпринимательская активность, постоянно создающая новые рабочие места, ведут к росту платежеспособного спроса и формированию емких внутренних рынков сбыта. Даже при неспособности многих американских компаний конкурировать на каких-то этапах своего развития за рубежом, они прекрасно могут выживать на внутреннем рынке. После выхода Великобритании из ЕС США отстают по численности населения от наиболее успешного интеграционного проекта развитого мира меньше чем на 36%. В итоге ВВП США при переходе от ППС к курсам валютных бирж оказывается самым большим (см. табл. 2). По ВВП на душу населения, рассчитанному по рыночным курсам, впереди США только Монако, Лихтенштейн, Люксембург, Макао (КНР), Швейцария, Норвегия, Ирландия, Исландия, Катар и Сингапур.

Таблица 2

Место США в мире по населению и ВВП (2018 г.)

Страна	Население, млн человек	ВВП (расчет по ППС), млрд долл.	ВВП (расчет по курсам), млрд долл.	ВВП (по ППС) на душу населения, тыс. долл.	ВВП (по курсам), на душу населения, тыс. долл.
Китай	1427,7	25 362	13 608	17,8	9,5
Индия	1352,6	10 499	2726	7,8	2,0
США	327,1	20 494	20 494	62,7	62,7
Индонезия	267,7	3495	1042	13,1	3,9
Пакистан	212,2	1177	313	5,5	1,5
Бразилия	209,5	3366	1869	16,1	8,9
Нигерия	195,9	1171	397	6,0	2,0
Бангладеш	161,4	704	274	4,4	1,7
Россия	145,7	3986	1658	27,4	11,4
Япония	127,2	5485	4971	43,1	39,1
Мексика	126,2	2520	1224	20,0	9,7
<i>ЕС-28 в целом</i>	<i>511,7</i>	<i>22 709</i>	<i>18 749</i>	<i>44,4</i>	<i>36,6</i>
Весь мир	7631,1	136 477	85 791	17,9	11,2

Источник: Основные показатели развития мировой экономики. «Мир в 2018 г.», 2019 // ИМЭМО. – Режим доступа: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/Osn_pokaz_ME/2019/FullText-2018.pdf (Дата обращения 5.05.2020).

Есть, однако, преимущество, которое в еще большей мере, чем названные выше особенности США, обеспечивает лидирующие экономические позиции страны, делает многие американские компании конкурентоспособными в глобальном масштабе. Это успехи США в инновационной сфере. За послевоенный период больше половины прироста производительности труда в этой стране обеспечили именно инновации. Пусть отчасти за счет грамотной информационной политики, господства английского языка и агрессивного продвижения научных журналов из американской базы данных Web of Science, но главным образом все-таки за счет концентрации известных ученых и высокой фондовооруженности технических и естественных наук аме-

риканские университеты занимают большинство верхних строчек любых международных рейтингов вузов. В Шанхайском рейтинге ARWU, например, университеты США занимают восемь строчек в первой десятке (лидер – Гарвардский)¹⁴, в европейском QS World University Rankings США в топ-10 представляют пять вузов (лидер – Массачусетский технологический институт)¹⁵.

Огромное количество исследователей в США работают в бизнес-секторе, что обеспечивает практическую направленность многих НИОКР в стране. Соединенные Штаты оказываются в десятке лидеров по расходам на НИОКР по отношению к ВВП (уступая только Израилю, Республике Корея, Швейцарии, Японии, Швеции, Австрии, Германии, Дании и Финляндии) именно за счет ассигнований компаний¹⁶, поскольку по этой компоненте расходов США на восьмом месте. По данным Евростата, если в 2017 г. в целом США потратили на НИОКР почти 481 млрд евро по сравнению с 320 млрд евро в ЕС (или 280 млрд без учета Великобритании), 231 млрд в Китае и 138 млрд в Японии (15,5 млрд евро – в России), то бизнес-сектор израсходовал в США 351,5 млрд евро (вклад – 73%) против 211,8 млрд евро в ЕС-28 (вклад – 66%), 179,1 млрд в Китае (вклад на уровне 77,5% выше, чем в США, однако надо учитывать специфику корпоративного сектора КНР, представленного главным образом подконтрольными государству компаниями и иностранными ТНК) и 108,9 млрд евро в Японии¹⁷.

При этом важно подчеркнуть, что США – не только мировой лидер по абсолютным расходам на НИОКР (см. рис.). Экономика США с успехом «перехватывает» инновации, возникшие в других странах. Например, коммерческие сети мобильной телефонной связи для простых граждан появились на рубеже 1970–1980-х годов в Японии и Северной Европе, но уже через несколько лет США в этой сфере заняли лидерские позиции. Так что теперь именно Чикаго обычно называют родиной мобильной связи как отрасли в Википедии, общедоступной многоязычной энциклопедии – детище американцев, размещенном в перевернувшей жизнь обывателей XXI в. сети Интернет (еще одном изобретении из США). Электроника и информационные технологии, авиационная и ракетно-космическая техника, фармацевтика и биотехнологии – перечислять можно долго сферы, где США либо удерживают мировое лидерство, либо делят его с одним-двумя конкурентами.

Безусловно, Китай пытается догнать США: только за десять лет расходы на НИОКР в КНР выросли в 6,5 раза против увеличения данного показателя в США к 2017 г. по сравнению с 2007 г. лишь в 1,7 раза. Однако пока инновационные центры все еще сосредоточены в старой «триаде капиталистического мира». При этом, по цитируемому выше данным Евростата, за

¹⁴ См.: <http://www.shanghai ranking.com/> (Date of access 5.06.2020).

¹⁵ См.: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2020> (Date of access: 5.06.2020).

¹⁶ Впрочем, та же ситуация наблюдается у многих других лидеров, в особенности у Израиля, Республики Корея и Японии.

¹⁷ Intramural R&D expenditure (GERD) by sectors of performance // The EU. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (Date of access 5.06.2020).

последние 30 лет США нарастили расходы на НИОКР в номинальном выражении в 4,4 раза, тогда как ФРГ только в 3,6 раза, Великобритания – в 3 раза, Франция – в 2,9 раза, а Япония – лишь в 2,3 раза.

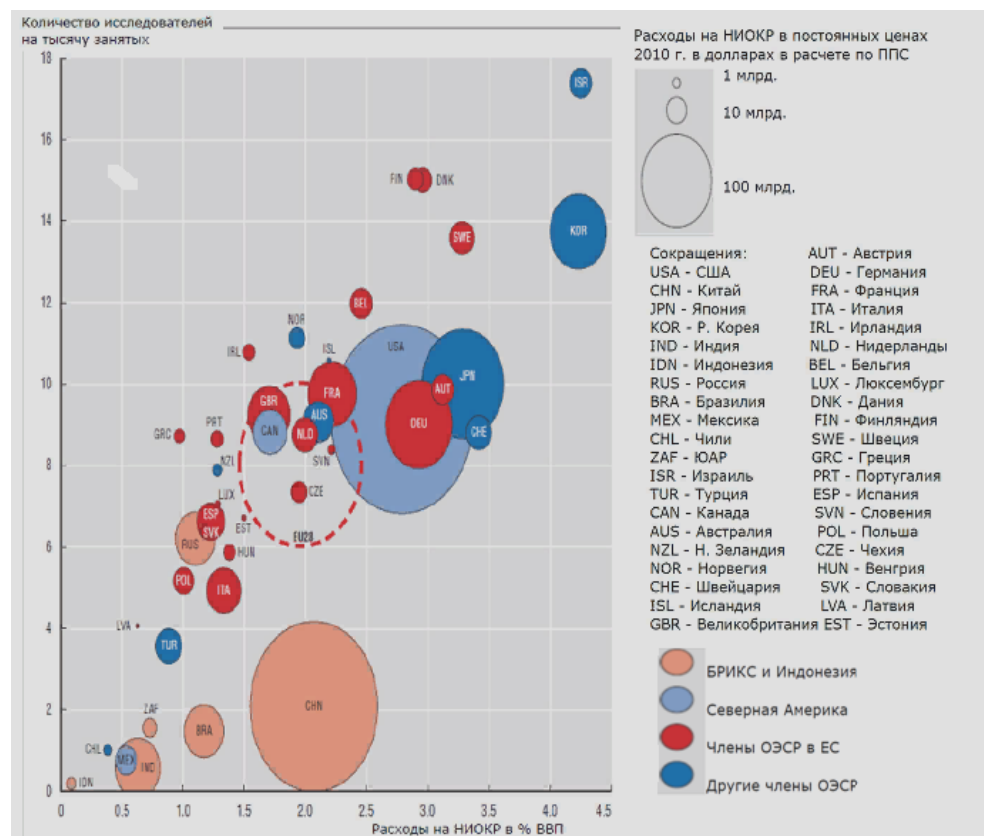

Рис. Сравнение масштабов НИОКР в странах ОЭСР, БРИКС и Индонезии (по данным ОЭСР за 2015 г.)

Источник: OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017. The Digital Transformation. 2017 // OECD. – Mode of access: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/9789264268821-en.pdf?expires=1591783995&id=id&accname=guest&checksum=598E0B2EB245D2BB3EEB94A81AB9B271> (Date of access 5.02.2020).

Место США в современном полицентрическом мире: догнать Америку сложно, а потеснить можно

«Догнать и перегнать Америку» пытались другие страны неоднократно, но безуспешно – СССР, Япония (вместе с целью обогнать Европу), а с начала XXI в. Китай. В последние несколько десятилетий глобализация, обострившая международную конкуренцию, открыла новые возможности для самых разных стран потеснить США, по крайней мере в отдельных нишах. Первую

**Приход Трампа к власти на фоне потери США лидерства
в процессах экономической глобализации**

«брешь» пробили как раз еще в 1970-е годы японские корпорации, сумевшие потеснить производителей из США пусть и в ограниченном числе, но зато передовых отраслей машиностроения, что в итоге привело к крупным торговым войнам двух государств в 1980-е годы. Правда, за первую половину 2010-х годов США вновь отобрали у Японии лидерство по мировому выпуску автомобилей (включая прицепы), увеличив свою долю в мире с 14% в 2010 г. до 16,7% в 2016 г.

Вместе с тем за тот же период Соединенные Штаты уступили первое место в мире Китаю по выпуску вычислительной, электронной и оптической техники (хотя доля США выросла с 21,1 до 21,7%), равно как и в производстве древесины и деревянных изделий (при росте доли с 16,3 до 17,1%). США неуклонно снижают роль в мире, сохранив к моменту избрания Д. Трампа президентом страны, однако, первое место по выпуску пищевых продуктов, резиновых и пластмассовых изделий, металлургической продукции¹⁸. Правда, процесс возвышения других государств в мировой экономике за счет США нельзя назвать поступательным. Например, в 2010-е годы благодаря «сланцевой революции» – технологическому перевороту в энергетике США вышли на первое место по добыче как нефти, так и природного газа (оставаясь при падении объемов добычи угля все же на третьем месте в мире, а также лидируя по производству электроэнергии на АЭС)¹⁹. Тем не менее продолжающуюся сдачу США лидирующих позиций ярко иллюстрирует внешняя торговля товарами, поскольку вынос простых производственных стадий из высокоразвитых стран за рубеж давно сменился выстраиванием сложных трансграничных цепочек создания стоимости и переносом целых отраслей за пределы Соединенных Штатов. Технологическое лидерство в последние годы также перестает быть залогом успеха ведущих держав, поскольку ряд стран, особенно Китай, преуспели в имитации технологий, которые пришли в страну в 1980–1990-е годы вместе с дочерними структурами иностранных ТНК. В табл. 3 показано, как США теряют свои позиции в мировой торговле товарами²⁰.

Речь идет не только о возвышении Китая, доля которого в мировом товарном экспорте выросла с 0,8% в 1978 г., когда начались современные реформы в стране, до 13% накануне избрания Д. Трампа 45-м президентом США (в 2018 г. этот показатель составил 12,7%). В табл. 3 приведены как традиционные лидеры экспорта – ФРГ и Япония, чья доля часто снижалась синхронно с удельным весом США (при том что доля Франции, как и некоторых других европейских стран, сократилась даже сильнее), так и несколько динамичных стран, все больше конкурирующих на мировых рынках с США.

¹⁸ Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. – М.: Росстат, 2018. – С. 160–163 (по данным ЮНИДО).

¹⁹ Statistical Review of World Energy 2020. 69th edition. – Mode of access: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (Date of access 6.07.2020).

²⁰ Заметим, что, по данным США, в 2018 г. товарный экспорт страны был чуть больше – 1677 млрд долл., а импорт, напротив, немного меньше – 2557,3 млрд долл., однако в 2019 г. экспорт составил только 1652,4 млрд долл., сократившись за год на 1,5%, а импорт – 2516,8 млрд (спад на 1,6%).

В их числе и Россия – прежде всего на рынках энергоносителей, что при Трампе вылилось в агрессивное политическое противодействие США российскому проекту «Северный поток-2»²¹.

Таблица 3

Экспорт (Э) и импорт (И) товаров по некоторым странам

Страна	Размерность	1978 г.		1998 г.		2016 г.		2018 г.	
		Э	И	Э	И	Э	И	Э	И
США	млрд долл.	145,8	186,0	682,1	944,4	1451,0	2250,2	1664,0	2614,2
	% от мира	11,6	14,3	12,3	16,7	9,0	13,8	8,5	13,1
Китай	млрд долл.	10,0	11,1	183,7	140,2	2097,6	1587,9	2486,7	2135,8
	% от мира	0,8	0,9	3,3	2,5	13,0	9,8	12,7	10,7
ФРГ	млрд долл.	142,5	121,8	543,8	471,5	1334,4	1055,3	1560,5	1284,4
	% от мира	11,3	9,4	9,8	8,3	8,3	6,5	8,0	6,5
Япония	млрд долл.	98,2	79,9	387,9	280,5	645,1	607,7	738,1	748,5
	% от мира	7,8	6,2	7,0	5,0	4,0	3,7	3,8	3,8
Республика Корея	млрд долл.	12,7	15,0	132,3	93,3	495,4	406,2	604,9	535,2
	% от мира	1,0	1,2	2,4	1,7	3,1	2,5	3,1	2,7
Франция	млрд долл.	79,4	81,8	320,6	307,8	501,2	567,7	581,8	671,4
	% от мира	6,3	6,3	5,8	5,4	3,1	3,5	3,0	3,4
Мексика	млрд долл.	6,0	8,1	117,5	129,1	373,9	397,5	450,7	476,5
	% от мира	0,5	0,6	2,1	2,3	2,3	2,4	2,3	2,4
Россия	млрд долл.	74,4	58,0	281,7	191,5	443,1	248,7
	% от мира	1,3	1,0	1,7	1,2	2,3	1,3
Сингапур	млрд долл.	10,1	13,1	109,9	101,7	330,5	283,3	413,0	370,9
	% от мира	0,8	1,0	2,0	1,8	2,0	1,7	2,1	1,9
Индия	млрд долл.	6,7	7,9	33,4	43,0	264,5	361,7	324,8	514,5
	% от мира	0,5	0,6	0,6	0,8	1,6	2,2	1,7	2,6
Мир в целом	млрд долл.	1260,8	1298,3	5536,5	5648,4	16 143,4	16 265,1	19 590,2	19 893,9

Источник: The World Bank Indicators. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/> (Date of access 5.05.2020).

Мировой экспорт меньше мирового импорта из-за учета транспортных издержек.

За последние 20 лет доля США в мировом экспорте товаров сократилась на 3,8 проц. пунктов, а Китая выросла на 9,4 проц. пунктов. За тот же период заметно выросла доля Республики Корея, России, Индии. При этом нельзя забывать, что отрицательное сальдо в товарной торговле США возникло задолго до экономического возвышения Китая (который за 40 лет, как и ряд других стран Тихоокеанской Азии – например, Республика Корея и Сингапур, – перешел от отрицательного к большому положительному сальдо в торговле товарами).

В то же время следует подчеркнуть, что в 2019 г. в текущих ценах товарный экспорт США в Китай (107,9 млрд долл.) составил лишь 93% от уровня 2016 г. и 116% от уровня 2010 г. При этом американский экспорт в

²¹ В таблице опущен ряд развитых стран, выделяющихся экспортом товаров: Нидерланды (726,7 млрд долл. в 2018 г.), Гонконг (568,5 млрд), Италия (549,5 млрд), Великобритания (486,4 млрд), Бельгия (468,6 млрд), Канада (450,8 млрд) и Испания (346,8 млрд).

**Приход Трампа к власти на фоне потери США лидерства
в процессах экономической глобализации**

ЕС-28 (338,4 млрд долл.) за три года вырос почти на 25%, а по сравнению с 2010 г. увеличился более чем на 39%, экспорт в Канаду (293,5 млрд долл.) увеличился соответственно на 9,8 и 17,3%, в Мексику (256,9 млрд долл.) – на 11,4 и 56,9%. Показатель по Японии, которая по масштабам товарного экспорта США опережает по отдельности любую из европейских стран, вырос к 2019 г. до 75 млрд долл. – на 17,5% за последние три года и на 22% за все 2010-е годы. На остальные страны в 2019 г. пришлось немногим больше 1/3 экспорта товаров из США (580,7 млрд долл.)²².

Импорт США из Китая по понятным причинам резко упал лишь в 2019 г. (до 452,2 млрд долл.), тогда как в 2018 г. (540,1 млрд долл.) он был на 16,6% выше показателя 2016 г. и на 47,5% выше уровня 2010 г. Однако объем американского импорта из КНР даже в 2019 г. превышает уровень 2010 г. на 23,5%. Правда, за те же годы товарный импорт США из ЕС-28 в текущих ценах вырос почти на 60% (до 517,8 млрд долл. в 2019 г.), из Мексики – на 56,4% (до 364,1 млрд долл.) и лишь из Канады – на 15,4% (до 325,3 млрд долл.). Почти синхронный рост экспорта и импорта в торговле с соседями (как с Канадой, так и с Мексикой) во многом связан с выносом производства из Соединенных Штатов, причем с обеими странами сохраняется отрицательное сальдо торговли. Напротив, в случае с Японией (впрочем, как и с Германией, а также рядом других развитых стран) речь идет в основном об ограниченной конкурентоспособности американских компаний как таковых. Например, в товарной торговле США с Японией отмечается более чем двукратное превышение импорта (в 2019 г. 144,7 млрд долл.) над экспортом. Удельный вес импорта товаров из всех остальных стран в США составлял менее 3/10 (712,6 млрд долл.).

Лидерство США в современных отраслях сферы услуг, в том числе финансовых, позволяет этой стране поддерживать положительный баланс во внешней торговле услугами, хотя он не перекрывает отрицательное сальдо в товарной внешней торговле. Так, по итогам 2018 г. суммарный экспорт товаров и услуг из США достиг 2510,3 млрд долл., или 10% от общемирового показателя, тогда как показатель Китая – 2655,6 млрд, ФРГ – 1871,8 млрд долл. Импорт товаров и услуг в США, однако, составлял 3148,6 млрд долл., т.е. отрицательное сальдо достигло 638 млрд долл. (против 950 млрд долл. в товарной торговле). Сальдо было отрицательным и 30, и 40 лет назад, но разрыв был действительно меньше (например, импорт товаров и услуг в 1978 г. превышал их экспорт на 13% против 25% в 2018 г.)²³. Крупнейшие экспортные рынки для производителей услуг из США – англоязычные Великобритания и Канада, тогда как Китай в этом списке лишь на третьем месте. Импорт услуг

²² U.S. International Trade in Goods and Services/ Bureau of Economic Analysis. 4.06.2020 // BEA.gov. – Mode of access: https://www.bea.gov/sites/default/files/2020-06/trad0420_1.pdf (Date of access 7.06.2020).

²³ См.: <https://data.worldbank.org/indicator/> (Date of access 5.05.2020).

в США идет прежде всего из Великобритании и Канады, далее следуют Япония и Германия, тогда как Китай лишь на восьмом месте²⁴.

Инновационная активность компаний США, их обычно высокая (хотя уже не во всех сферах) конкурентоспособность на мировых рынках и вовлеченность во внешнюю торговлю товарами и услугами предопределила заметные позиции США в экспорте прямых иностранных инвестиций (см. табл. 4).

Таблица 4

Экспортированные прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в мире

Страна	Накопленные странами их ПИИ за рубежом				Экспорт ПИИ в 2019 г.		Накопленные за рубежом ПИИ по отношению к ВВП стран – экспортеров ПИИ в 2018 г., %
	конец 1990 г.		конец 2019 г.		млрд долл.	%	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%			
Весь мир	2255	100,0	34 571	100,0	1314	100,0	36,3
ЕС-28 (включая взаимные ПИИ)	976	43,3	12 574	36,4	455	34,6	56,3
Нидерланды	110	4,9	2565	7,4	125	9,5	265,7
Великобритания	229	10,2	1949	5,6	31	2,4	60,2
Германия	309	13,7	1719	5,0	99	7,5	41,2
Франция	120	5,3	1533	4,4	39	3,0	54,2
Ирландия	15	0,7	1085	3,1	18	1,4	244,8
Бельгия	≈36	1,6	656	1,9	20	1,5	108,5
Испания	16	0,7	607	1,8	24	1,8	39,5
Италия	60	2,7	558	1,6	25	1,9	26,5
Кипр	0	0,0	443	1,3	14	1,1	1792,2
Швеция	51	2,3	397	1,1	23	1,8	67,3
Другие развитые страны	1138	50,5	13 650	39,5	462	35,2	40,0
США	732	32,5	7722	22,3	125	9,5	31,4
Япония	201	8,9	1818	5,3	227	17,3	33,4
Канада	85	3,8	1652	4,8	77	5,9	77,6
Швейцария	66	2,9	1526	4,4	11	0,8	177,9
Австралия	38	1,7	579	1,7	5	0,4	34,1
Прочие страны	141	6,2	8347	24,1	397	30,2	22,0
Китай	4	0,2	2099	6,1	117	8,9	14,3
Гонконг	12	0,5	1794	5,2	59	4,5	515,2
Сингапур	8	0,4	1106	3,2	33	2,5	538,4
Виргинские (Брит.) острова	1	0,0	911	2,6	41	3,1	84 929,3
Респ. Корея	2	0,1	440	1,3	36	2,7	24,0
Россия	≈1	0,0	387	1,1	23	1,8	21,1
Тайвань	30	1,3	362	1,0	12	0,9	57,9

Источник: UNCTAD. World Investment Report 2020. Geneva, 2020. Annex tables 2, 4; Handbook of Statistics 2019. Geneva, 2019. – P. 86–97 (достоверных данных по ВВП за 2019 г. по всем странам на момент написания главы еще не было опубликовано).

²⁴ U.S. International Trade in Goods and Services/ Bureau of Economic Analysis. 4.06.2020 // BEA.gov. – Mode of access: https://www.bea.gov/sites/default/files/2020-06/trad0420_1.pdf (Date of access 7.06.2020).

**Приход Трампа к власти на фоне потери США лидерства
в процессах экономической глобализации**

Однако и здесь американцев постепенно теснят как ТНК из других развитых стран, так и в еще большей мере компании из развивающихся государств. Если еще в конце 1990 г., по данным ЮНКТАД, в мире 32,5% всех накопленных ПИИ происходили из США, то к концу 2019 г. эта доля сократилась до 22,3%. В 2018 г. у США наблюдался текущий отрицательный нетто-экспорт ПИИ, т.е. новые инвестиции были меньше стоимости проданных компаниям третьих стран проектов американскими инвесторами, а в 2019 г. доля страны в новом экспорте ПИИ была меньше 10%.

Среди 100 крупнейших нефинансовых ТНК мира по величине зарубежных активов 18 компаний представляли в 2019 г. Соединенные Штаты, что позволяло им по-прежнему находиться на первом месте. Правда, американский лидер «Chevron Corporation» был лишь на 11-м месте. Еще в 2018 г. в первой сотне компаний из США было 19, причем в топ-10 входили две ТНК (также «Exxon Mobile Corporation») ²⁵. Для сравнения, четверть века назад, в 1993 г., в первой сотне было 32 компании, в том числе в первой десятке – 5 компаний из США (причем «Exxon» уступал в мире только «Royal Dutch Shell») ²⁶.

В то же время США сохраняют лидерские позиции в импорте иностранных инвестиций, что подпитывает американскую экономику не меньше, чем постоянная иммиграция. Доля США в импорте прямых иностранных инвестиций, в отличие от их экспорта, в целом стабильна (см. табл. 5), хотя страны БРИКС заметно прибавили свой вес (но в основном за счет снижения удельного веса стран ЕС).

Таблица 5

Импортированные прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в мире

Страна	Накопленные в странах ПИИ из-за рубежа				Импорт ПИИ в 2019 г.		Накопленные ПИИ из-за рубежа по отношению к ВВП стран – импортеров ПИИ в 2018 г., %
	конец 1990 г.		конец 2019 г.				
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	
1	2	3	4	5	6	7	8
Весь мир	2196*	100,0	36470	100,0	1540	100,0	37,8
ЕС-28 (включая взаимные ПИИ)	886	40,5	11069	30,4	447	29,0	49,5
Великобритания	204	9,3	2075	5,7	59	3,8	67,0
Нидерланды	72	3,3	1750	4,8	84	5,5	183,3
Ирландия	38	1,7	1120	3,1	78	5,1	244,3
Германия	227	10,3	953	2,6	36	2,3	23,5
Франция	104	4,7	869	2,4	34	2,2	29,7
Испания	66	3,0	752	2,1	12	0,8	46,2
Бельгия	≈50	2,3	566	1,6	10	0,6	98,0
Италия	60	2,7	446	1,2	27	1,8	20,8
Другие развитые страны	802	36,5	13217	36,2	353	22,9	37,0
США	540	24,6	9466	26,0	246	16,0	36,2

²⁵ World Investment Report 2020. – Geneva, 2020. – Annex table 19; World Investment Report 2019. – Geneva, 2019. – Annex table 19.

²⁶ World Investment Report 1995. – N.Y. & Geneva, 1995. – P. 20–23.

Кузнецов Алексей Владимирович

1	2	3	4	5	6	7	8
Швейцария	34	1,5	1351	3,7	-22	отток	149,7
Канада	113	5,1	1037	2,8	50	3,2	52,4
Австралия	80	3,6	714	2,0	36	2,3	47,4
Япония	10	0,5	223	0,6	15	1,0	4,3
Прочие страны	508	23,1	12184	33,4	740	48,1	31,9
Гонконг	202	9,2	1868	5,1	68	4,4	550,2
Китай	21	1,0	1769	4,9	141	9,2	12,0
Сингапур	30	1,4	1698	4,7	92	6,0	781,0
Виргинские (Брит.) острова	0	0,0	826	2,3	58	3,8	70 459,2
Бразилия	37	1,7	641	1,8	72	4,7	36,4
Мексика	22	1,0	628	1,7	33	2,1	39,7
Каймановы острова	2	0,1	515	1,4	35	2,3	12 247,1
Россия	0	0,0	464	1,3	32	2,1	25,0
Индия	2	0,1	427	1,2	51	3,3	14,1

* Суммы экспортированных и импортированных прямых инвестиций по миру в целом немного различаются из-за мелких расхождений в методике подсчета инвестиций в отдельных странах.

Источник: UNCTAD. World Investment Report 2020. Geneva, 2020. Annex tables 1, 3; Handbook of Statistics 2019. – Geneva, 2019. – P. 86–97.

Важно подчеркнуть, что США – самый привлекательный рынок для иностранных портфельных инвесторов. Это связано, безусловно, со всеми перечисленными выше факторами – особой ролью доллара в мировой экономике, безопасностью США благодаря военной мощи страны, а также, разумеется, наличием развитого фондового рынка, на котором котируются акции инновационных компаний и торгуются другие самые разнообразные финансовые инструменты. Вместе с тем экстравагантные заявления Д. Трампа, а главное – его конкретные шаги могут подорвать восприятие США как «тихой гавани» для инвесторов. Хорошо известно, что противостояние с Россией и Китаем, в том числе, по сути, необоснованные «санкции» против частных российских прямых инвесторов, уже привели к неуклонной медленной распродаже американских ценных бумаг обеими странами – владельцами весьма внушительных золотовалютных резервов (причем быстрая продажа обвалила бы финансовые рынки, нанеся самим России и Китаю урон).

* * *

Резюмируя, можно сказать, что у США в запасе еще большой временной промежуток, чтобы адаптироваться к процессу перехода глобализирующегося мира к подлинной полицентричности. При этом позиция «первого среди равных» для Соединенных Штатов окажется весьма комфортной. Однако неуклюжие попытки администрации Д. Трампа сломать сложившуюся систему международных экономических отношений, формировавшуюся при прямом участии, а иногда вообще под руководством США, скорее ускорят подъем Китая как ведущей индустриальной державы, а для развитых стран в Европе откроют дополнительные возможности начать выполнять особые функции (главным образом в финансово-инвестиционной сфере), где пока доминируют США. Тем не менее болезненное недовольство определенных сил в Соединенных Штатах потерей страной гегемонии вполне объяснимо.